

DOI: 10.15688/jvolsu4.2015.4.2

УДК 338.245

ББК 63.3(2)622-2; 65.01; 65.012.2; 65.013.7

ФОРМИРОВАНИЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СССР В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Георгий Александрович Черемисинов

Доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории и национальной экономики,
Саратовский государственный университет
Cheremisinov@inbox.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Исследование возникновения и функционирования мобилизационной модели экономики возможно на основе гипотезы о государственном предпринимательстве как типологическом признаке развития российской экономики, концепции пороговых изменений макроэкономической динамики, методологии хронотопа и теории взаимосвязи государственной организации накопления капитала, индустриализации, милитаризации, экономической и территориальной экспансии государственной власти.

Социально-экономическое реформирование в нашей стране было связано с пороговыми уровнями воздействия государства на экономику, что подтверждается анализом макроэкономических условий возникновения централизованного планового управления народным хозяйством. Системные преобразования российской экономики в военно-революционный период (1914–1920 гг.), во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг., в период Великой Отечественной войны осуществлялись правящей властью с целью увеличения количества благ, услуг, факторов производства, присваиваемых, распределяемых или используемых в ее интересах. Уровень централизованного изъятия ресурсов на невозвратные военные расходы и на инвестиции в индустриализацию державы определял макроэкономическую динамику и степень перестройки рыночного механизма регулирования отечественного народного хозяйства.

Таким образом, мобилизационная модель директивно-планового управления народным хозяйством, созданная в результате реформ начала 1930-х гг., обеспечила экономическую основу победы СССР в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: методология историко-экономического исследования, экономика СССР в годы первой пятилетки и Великой Отечественной войны, макроэкономическая динамика, мобилизационная модель экономики, государственное предпринимательство.

Используемая методология во многом определяет результаты исследований экономической науки. Приращение историко-экономических знаний зависит от концепций, рабо-

чих гипотез, понятийно-категориального аппарата экономической теории, применяемой при изучении, интерпретации, выявлении взаимосвязи исторических событий и процессов.

В свою очередь углубление экономической теории происходит благодаря обогащению ее методологии, концептуальных построений, терминологии посредством усвоения достижений историко-экономической науки. Способность объяснять исторические закономерности хозяйственного развития служит критерием верификации экономической теории.

Теоретико-методологическая взаимозависимость двух отраслей экономической науки отчетливо прослеживается при изучении истории народного хозяйства СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Уникальным материалом для исследователей может служить книга Николая Алексеевича Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [2] – шедевр экономической мысли. Не случайно в фундаментальном семитомном труде «История социалистической экономики СССР» пятый том «Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны 1938–1945 гг.» [7] представляет собой фактологически расширенную концептуальную копию указанной выше публикации.

Исследование проблем военной экономики возможно на основе концептуальной рабочей гипотезы о государственном предпринимательстве как типологическом признаке развития российской экономики. Объем ресурсов, вовлекаемых в оборот государственного сектора, определяет ключевые параметры историко-экономической эволюции: пропорцию между сбережением и потреблением в национальном доходе, норму централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и способ их расходования, траекторию и качество экономического роста (упадка) страны [22, с. 30–43].

Целесообразным представляется использование гипотезы о наличии пороговых изменений макроэкономической динамики. Пороговая величина – это предельное значение экономического параметра (состояния экономической системы или ее элементов), при котором количественные изменения сопровождаются изменением качественных свойств, переходом из одного режима функционирования в другой, сменой тенденций развития. Пороговые изменения – это преобразования социально-экономических процессов и систем, связанные с достижениями их по-

роговых состояний и переходами через пороговые значения режимов их функционирования и развития [20, с. 5].

Представляет интерес введение в методологическое поле экономической науки концептуального понятия хронотопа (греч. *χρόνος* – время и *τόπος* – место), в дословном переводе «время-пространство», определяющего взаимодействие времени и пространства (истории и географии) в организации и развитии экономики, хозяйственных процессов. Замысел предлагаемой теоретико-методологической новации заключается в возможности взаимосвязанного исследования макроэкономической динамики во времени (колебаний конъюнктуры, в том числе циклического характера) и в пространственном, территориальном измерении. Весьма продуктивным может быть использование теоретической модели, описывающей взаимосвязь между государственной организацией накопления капитала, индустриализацией, милитаризацией, экономической и территориальной экспансией государственной власти.

Концептуальная структура книги Н.А. Вознесенского представляет собой «историческое место» экономики Советского Союза периода Великой Отечественной войны; она начинается с первой главы «Накануне отечественной войны» и завершается главой «Послевоенная социалистическая экономика» [2, с. 11, 177]. Взгляды Н.А. Вознесенского способствуют уточнению типологической характеристики и исторического места директивно-плановой экономики СССР, подтверждают правомерность ее рассмотрения как разновидности рыночного хозяйства, функционировавшего в специфических условиях и режимах. Предпосылки создания директивно-плановой системы регулирования и мобилизации российской экономики возникли в годы Первой мировой войны, и становление ее происходило в режиме военного коммунизма [21].

Социально-экономические преобразования в нашей стране были связаны с пороговыми уровнями воздействия государства на экономику, что подтверждается статистическими выкладками и анализом макроэкономических условий возникновения и изменения централизованного планового управления народным хозяйством. Исходным пунктом расчетов может служить объем национального

дохода России в 1913 г., статистически оцененный в 16 млрд рублей. Номинальная сумма затрат России на ведение Первой мировой войны превысила 50 млрд руб.; с учетом инфляции реальная сумма военных расходов составила 21 млрд руб. золотом. Следовательно, за три с половиной года на военные нужды была изъята почти половина национального дохода державы [24, с. 15]. До 1914 г. в Российской империи удельный вес потребления в структуре валового национального продукта (дохода) превышал 90 %, а доля сбережений была менее 10 %. Во время войны норма сбережений в национальном доходе принудительно возросла в пять раз, а доля фонда потребления снизилась до 50 %. Пороговое изменение пропорции между сбережением и потреблением было результатом мобилизации хозяйственных ресурсов государственным аппаратом посредством преобразования и деградации традиционного многоукладного хозяйства и его рыночных регуляторов.

В 1914–1920 гг. воздействие властей поддерживающих на экономику усиливалось по мере истощения денежных и материальных ресурсов, сопровождалось натурализацией и неотвратимым огосударствлением народного хозяйства. Процессы реформирования механизма управления отечественной экономикой и извлечения хозяйственных ресурсов в пользу казны поддерживали друг друга в режиме порочного круга, усиливали действие общей тенденции.

В 1918 г. экономика России достигла очередного поворотного пункта в историческом движении. Разрушение производительных сил приобрело динамику обвала, ускорилось падение объемов производства, снижение производительности труда, практически остановилась внешняя торговля. Товарно-денежное хозяйство страны стало вырождаться в натуральное, переходя к безденежному обмену и распределению продуктов [21].

В крайне тяжелой обстановке революционное правительство приступило к национализации предприятий важнейших отраслей экономики, чтобы непосредственно присваивать необходимые товары и услуги, использовать промышленные запасы. «Проедание запасов» национализированной промышленности сыграло исключительную роль в самый критический период 1918–1920 гг.: товарные фонды про-

мышленности, попавшие в распоряжение новой власти, сослужили ей большую службу, чем огромный золотой фонд, накопленный самодержавием. Промышленные запасы вместе с продрозверсткой оказались той материальной базой пролетарского государства, которую не имели белогвардейские правительства [10, с. 28].

Трансформация системы государственного управления поэтапно заменяла приходившие в негодность элементы механизма рыночного регулирования. Государство перестраивало народное хозяйство в собственных интересах, изыскивая средства для ведения войны. В процессе национализации земли, банков, предприятий промышленности и транспорта сложился уникальный комплекс государственного хозяйства, в котором административные органы выполняли функции собственника и предпринимателя. Новая система организации экономики возникла в экстремальных условиях войн и революций. Поэтому неограниченное огосударствление хозяйства России было чрезвычайным явлением. Казенное ведение дел выдерживало такие диспропорции воспроизводства, при которых частнокапиталистическое предпринимательство и товарно-денежный рыночный оборот не могли существовать [18, с. 102–103].

Инфляционное падение покупательной силы денег и расширение натурального обмена продуктами превращали денежный бюджет советской власти в натуральный. Налоги населения в пользу государства сменились натуральными повинностями: дровяной, гужевой, всеобщей трудовой. Основой бюджета страны в годы Гражданской войны была продовольственная разверстка – обязанность крестьян сдавать государству сельскохозяйственные продукты по фиксированным низким ценам. Изъятие продовольствия заменяло правительству денежные налоги и доходы от денежной эмиссии.

Государственные заготовки хлеба и зернофуража составили в 1918–1919 гг. 107,9 млн пудов, в 1919–1920 гг. – 212,5 млн пудов, в 1920–1921 гг. – 283,9 млн пудов [24, с. 64]. В 1920 г. к разверстке хлеба, зернофуража и мяса прибавились прочие сельскохозяйственные продукты и сырье. Государство присвоило продуктов посредством эмиссии денег в

1918–1919 гг. на сумму 523 млн руб. золотом, в 1920–1921 гг. – 200 млн руб., а посредством продовольственной разверстки соответственно 127 млн руб. и 451 млн рублей [9, с. 123].

В 1920 г. чрезвычайное истощение резервов народного хозяйства достигло предела. Увеличение масштабов продразверстки подвигло крестьян сократить посевные площади до размеров, достаточных только для собственного потребления. Из-за уменьшения посевов и плохой погоды сбор зерна в 1920 г. оказался на 30–40 % ниже среднегодового [17, с. 208]. Последствиями неурожая стали голод, падеж скота и протестные вооруженные выступления крестьян.

Государственный аппарат превысил пороговый уровень разрушительного воздействия на народное хозяйство и оказался неспособным концентрировать в своих руках нужный объем экономических ресурсов. В 1920–1921 гг. правительство намеряло взять в деревне по продовольственной разверстке 454 млн пудов хлеба [16, с. 45], но смогло забрать лишь 62 % запланированного. Провал «натуральной» бюджетной системы, «продовольственный дефолт» заставили большевиков отказаться от системы военно-коммунистического потребительского хозяйствования и начать новую экономическую политику, возрождать производительные силы державы.

С переходом к нэпу прекратилось экстраординарное принудительное государственное изъятие народно-хозяйственных ресурсов, ослабло воздействие правящей власти на уровень и распределение доходов населения, изменился режим функционирования директивно-плановой системы управления экономикой, произошли «обратные» институциональные преобразования. Удельный вес чистого накопления (сбережения) в национальном доходе снизился до среднегодового довоенного порогового значения и составил в 1924–1925 гг. 8,6 %, в 1925–1926 гг. – 9,5 % [5, с. 50]. Доля доходов государственного бюджета в национальном доходе в те же годы была около 20 %. Понижение финансового воздействия государства на экономику до порогового уровня создало предпосылки нэпа.

Сокращение публично-правового присвоения валового национального продукта подготовило почву для частного предприниматель-

ства, реконструкции рыночного хозяйства и механизмов его регулирования. В годы нэпа получили признание частная собственность и предпринимательская деятельность, рыночная конкуренция, коммерческий расчет государственных трестов, оптовая и розничная торговля, гибкое ценообразование, банковские и биржевые операции, коммерческий кредит и учет векселей, обращение конвертируемой валюты и т. д. Рыночные учреждения – банки, биржи, частные торговые, промышленные предприятия и пр. – восстанавливались в результате реформирования и уменьшения масштабов казенного ведения дел по мере возрастания объемов и денатурализации хозяйственного оборота (подробнее см.: [19, с. 10–34]).

Однако система директивно-планового государственного предпринимательства, сложившаяся в период Первой мировой и Гражданской войн, сохранила во время нэпа свое природно-родовое свойство – мобилизационный характер, который и предопределил вектор исторической эволюции советской экономики.

С 1926 г. в СССР началась трансформация конкурентно-рыночной организации хозяйства, возобладала тенденция к воссозданию планово-распределительной системы управления экономикой, результативно функционировавшей в условиях военно-революционных потрясений. Внешнее сходство процессов разрушения рыночных регуляторов в годы военного коммунизма и во время подготовки и осуществления первого пятилетнего плана показывает наличие объективной, закономерной связи событий [22, с. 265–266].

Системные, пороговые преобразования российской экономики в военно-революционный период (1914–1920 гг.) и во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. осуществлялись правящей властью с целью увеличения благ, услуг, факторов производства, присваиваемых, распределяемых или используемых в ее интересах. Уровень централизованного изъятия ресурсов, то есть принудительного ограничения потребления людей и масштабов хозяйственной деятельности частных и государственных предприятий, определял степень перестройки рыночного механизма регулирования экономики. Эта закономерность имела место в обоих сопоставляемых исторических периодах, несмотря на противоположные на-

правления собираемых госаппаратом средств: на невозвратные военные расходы и на инвестиции в индустриализацию страны [23].

Усиление централизации системы управления директивно-плановой советской экономикой с 1929 г. стало пороговым изменением, показавшим, что у правительства иссякли резервы для ускоренной индустриализации в условиях многоукладного конкурентно-рыночного хозяйства. Комплексное реформирование экономики СССР в 1930–1932 гг. завершило период нэпа. Преобразования затронули все основные макросферы хозяйственного оборота (рынки): товаров, труда, денег, капитала (подробнее об этом см.: [22, с. 325–330]). Произошел переход от модели экстенсивного роста отечественной экономики к формированию модели инвестиционно-мобилизационного роста государственного предпринимательства.

Правительство, осуществив реорганизацию управления государственной промышленностью, коллективизацию крестьянства, кооперирование кустарей и ремесленников, охватило директивно-плановым руководством практически всю отечественную экономику. Планирование изменило механизм регулирования рыночного оборота товаров. Государственная политика ценообразования ориентировалась на установление твердых оптовых и розничных цен, поэтому соотношение предложения и спроса на рынках товаров и услуг определялось не столько уровнем цен, сколько размерами выпуска продукции и количеством денежных средств, имевшихся у предприятий, организаций, населения. Планирование производства продукции в стоимостном и натуральном выражении, с разбивкой по отраслям, территориям и отдельным предприятиям, стало важнейшим элементом централизованного управления народным хозяйством СССР.

Введение государством стабильных цен сопровождалось сменой режимов функционирования предприятий: коммерческий расчет, подразумевавший максимизацию прибыли, уступил место хозяйственному расчету, предполагавшему прежде всего выполнение централизованно установленных плановых заданий при условии самокупаемости затрат на производство и сбыт изделий. Объемы рыночного предложения определялись планами изготовления продукции.

Сфера товарного обращения была разделена на два макросегмента: рынок товаров потребительского использования и рынок продукции производственного применения. Рыночные сегменты различались способами оплаты товаров, формированием структуры и уровней цен, планированием предложения продукции. При помощи директивно-планового ценообразования государство забирало часть доходов населения, средств сельского хозяйства и отраслей промышленности группы «Б» для развития тяжелой индустрии.

Неизменные цены выглядели как забота о сохранении реальных доходов наемных работников и социально незащищенных слоев населения, создавали ощущение устойчивости покупательной силы рубля и позволяли финансировать государственные расходы за счет необеспеченной кредитно-денежной эмиссии. Но избыточный выпуск денег в обращение при фиксированных ценах обобществленной торговли сопровождался накоплением доходов граждан, не обеспеченных рыночным предложением товарной массы. Правительство уменьшало размеры отложенного покупательского спроса, разрешая частную и кооперативную торговлю по свободным рыночным ценам, организуя продажу по высоким коммерческим ценам в специально выделенных государственных магазинах, привлекало вынужденные денежные сбережения населения на депозиты сберегательных касс и к покупке облигаций государственных займов.

Ценообразование в сфере товарного обращения было взаимосвязано с формированием ценовых параметров в сферах трудовых отношений и воспроизводства капитала. Твердые цены розничной торговли оправдывали начисление относительно низких, стабильных заработных плат наемных работников и соответствующее увеличение прибыли предприятий – источника накопления в руках государственного предпринимательства капитала, который инвестировался в благоприятной обстановке низких плановых оптовых цен производственных ресурсов и дешевой рабочей силы.

Развертывание индустриализации в нашей стране было поддержано тарифной реформой, повысившей оплату труда в приоритетных отраслях и профессиях, стимулировавшей рост производительности труда и квалифика-

ции. При отсутствии гибкости зарплаты наемных работников главным инструментом планового регулирования рынка труда в СССР была занятость населения. Советская власть сдерживала и занижала реальную заработную плату рабочих и служащих, формировала специфический режим функционирования сферы трудовых отношений. С одной стороны, на рынке труда имело место интенсивное предложение дешевой рабочей силы. Угроза бедности понуждала искать работу большее количество членов семей, вовлекала в экономику трудовые резервы сельского населения и городских домашних хозяйств. С другой стороны, низкие ставки оплаты труда были причиной избыточного спроса фабрик, заводов, организаций на рабочие руки. Неизбывный спрос на низкооплачиваемую рабочую силу поддерживал полную, но, к сожалению, неэффективную занятость трудоспособного населения Советского Союза.

Преобразования сферы денежного обращения начались еще до первой пятилетки, во второй половине 1920-х гг., когда правительство отказалось от свободного конвертирования и зарубежной биржевой котировки советского червонца, ввело плановое нормированное использование иностранной валюты на основе условно-расчетного валютного курса рубля.

Кредитная реформа проводилась в обстановке разбалансированности спроса и предложения денежных средств. Необеспеченная эмиссия денег нивелировала отличия казначейских билетов от банкнотов, государственных займов, бюджетного выпуска денежной массы в обращение от банковского кредитования. Процент по банковским ссудам перестал выполнять функцию регулятора рынка денег. Спрос хозрасчетных предприятий на кредиты определялся не уровнем банковского процента, а суммой, необходимой для выполнения плановых заданий. С прекращением практики коммерческого кредитования и оборота векселей отпала потребность в применении учетной ставки для регулирования условий предоставления банковских ссуд.

Целевое бюджетное финансирование капиталовложений заменило долгосрочное кредитование. На денежном рынке осталось лишь краткосрочное банковское кредитование. Государственный банк стал расчетно-кассо-

вым центром народного хозяйства СССР, выполняя эмиссионные и кредитные операции. Правительство разделило кредитно-денежную сферу на две части. Налично-денежное обращение обеспечивало обязательные платежи населения, розничную торговлю потребительскими товарами, циркуляцию личных доходов граждан. Безналичные денежные расчеты обслуживали оптовую торговлю и хозяйственный оборот предприятий, организаций и учреждений. Финансово-кредитные органы планомерно регламентировали и приспособляли обращение денег к потребностям платежного оборота и торговли. Решения правительственных структур об эмиссии или изъятии наличной и безналичной рублевой массы из обращения сделали ненужным использование учетной ставки процента и прочих инструментов регулирования рынка денег.

Реформирование финансирования государственных инвестиций – переход от долгосрочного кредитования к расходованию средств бюджета – видоизменило рынок капитала. Процент на привлекаемый и инвестируемый капитал перестал выполнять функции рыночного регулирования. Ассигнования из бюджета были дешевыми капиталовложениями, так как не предполагали возврата выделенных денег и взимания процента за их использование. Облигации государственных займов предусматривали выплаты минимальных процентов по ним и представляли собой бессрочные долговые обязательства правительства. Бесплатные и безвозмездные бюджетные ресурсы капитала централизованно распределялись в условиях избыточного рыночного спроса в соответствии с политико-экономическим статусом хозяйственных ведомств. Состояние рынка капитала определялось расходами государственного бюджета, а не нормой прибыли, получаемой от инвестиций.

Реформирование и унификация налогов в 1930 г. позволили создать двухканальную налоговую систему мобилизационного типа, максимально консолидирующую денежные средства в государственном бюджете. Главным каналом поступления денег из сферы личных доходов в централизованные фонды стал налог с оборота, при помощи которого правительство сдерживало потребление и привлекало принудительные сбережения граждан.

Подходный налог и отчисления от прибыли были каналом перекачивания в бюджет средств из сферы производственно-хозяйственного оборота государственных и кооперативных предприятий и организаций. Потенциал мобилизации финансовых резервов в государственном бюджете страны характеризуют данные таблицы 1.

Среднегодовые темпы роста доходов бюджета СССР в 1929–1932 гг. более чем вдвое превзошли показатели предыдущих трех лет. Быстрому увеличению доходов государства способствовали интенсивная денежная эмиссия, инфляционный рост цен, а также реконструкция налогов, повысившая их общий сбор и удельный вес в источниках бюджетных ресурсов. В основу формирования бюджета было положено косвенное налогообложение.

О масштабах мобилизационного расширения государственного предпринимательства

в результате налоговой реформы свидетельствуют показатели макроэкономической динамики. Доля национального дохода, перераспределяемого по каналам бюджета, за первую пятилетку удвоилась и достигла 61,5 %, а удельный вес налогов в национальном доходе в 1932 г. поднялся до 36,5 % (рассчитано по данным: [1, с. 90–91; 3; 4, с. 166, 302; 11, с. 400; 12, с. 76, 106]).

Возросло значение государственных займов. Незаинтересованность в покупке облигаций была преодолена распространением обязательной «коллективной подписки» граждан на ценные бумаги казначейства. Государственный кредит превратился из резерва средств на непредвиденные расходы в богатый источник плановых бюджетных доходов.

Поступления средств в государственный бюджет определяли параметры его расходной части, представленные в таблице 2.

Таблица 1

Доходы государственного бюджета СССР в 1929/30–1932 гг., млн руб.

Статьи доходов	1929/30 гг.	Особый квартал 1930 г.	1931 г.	1932 г.
Всего доходов	13 879	5 269	25 246	38 041
В том числе:				
налог с оборота	5 653 *	2 420	11 672	19 595
прочие налоги и сборы с населения	1 118	438	2 110	2 986
государственные займы	1 278	356	3 269	3 922
отчисления от прибылей	1 264	1 052 **	2 158	2 023
доходы транспорта и связи	1 390	–	1 770	2 964
средства социального страхования	1 418	408	2 242	3 577

Примечание. Рассчитано по данным: [4, с. 302; 6, с. 487]. * – суммы, соответствующие доходам, унифицированным в налоге с оборота; ** – вместе с доходами транспорта и связи.

Таблица 2

Расходы государственного бюджета СССР в 1929/30–1932 гг., млн руб.

Статьи расходов	1929/30 гг.	Особый квартал 1930 г.	1931 г.	1932 г.
Всего расходов	13 322	5 038	25 097	37 995
Расходы на народное хозяйство	6 814	2 800	16 311	25 494
В том числе:				
промышленность	2 624	1 030	8 117	13 300
сельское хозяйство	1 353	615	2 914	3 944
транспорт и связь	1 521	638	2 420	4 070
торговля, снабжение, заготовки	546	320	1 797	2 273
коммунальное и жилищное хозяйство	720	133	1 029	1 794
Расходы на социально-культурные мероприятия	3 517	1 101	5 396	7 580
Оборона	1 046	434	1 288	1 296
Содержание органов управления	627	135	930	1 185
Расходы по государственным займам	406	75	408	962

Примечание. Составлено по данным: [6, с. 486].

Роспись бюджетных расходов свидетельствует об инвестиционной направленности государственного предпринимательства. Резко возросли вложения в народное хозяйство, прежде всего на нужды промышленности. В то же время снизилась доля социальных расходов бюджета.

Главной целью реформирования советской экономики было создание инструментов перераспределения ресурсов в тяжелую индустрию, что подтверждают показатели таблицы 3.

Судя по данным таблицы 4, инвестиционная активность государственного предпринимательства нарастала на протяжении всей первой пятилетки. В 1932 г. доля затрат на народное хозяйство в расходах бюджета и удельный вес накопления в национальном доходе достигли максимальных значений.

Реформируя экономику страны, правительство соорудило механизм чрезвычайной мобилизации ресурсов на финансирование индустриализации. Инвестиционная экспансия государственного предпринимательства качественно изменила ключевую макроэкономическую пропорцию между накоплением и потреблением. В 1930 г. норма сбережения (чистого накопления) в национальном доходе преодолела совместимый с экономическим ростом 25 %-й пороговый уровень. С этого времени директивно-плановая экономика Советского Союза функционировала в режиме нормы чистого накопления выше порогового уровня в 23–25%. В 1932 г. удельный вес фонда накопления в национальном доходе более чем в четыре раза превысил уровень мирного российского много-

Таблица 3

Финансирование государственной промышленности СССР в 1927/28–1931 гг., млн руб.

Показатели	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	Особый квартал 1930 г.	1931 г.
Сумма финансирования	2 363	2 943	4 877	1 822	10 180
В том числе капитальное строительство	1 325	1 679	3 422	765	5 900
Источники финансирования:					
кредитная система	469	463	1 055	435	2 858
собственные накопления (амортизация и прибыль)	1 252	1 580	2 022	560	839
средства бюджета	642	900	1 800	827	6 483
Отчисления промышленности в бюджет	447	499	788	343	824
Сальдо расчетов бюджета с промышленностью	146	401	1 012	484	5 659
Отношение капитальных вложений к собственным накоплениям:					
в отраслях группы «А»	1,13	1,79	3,62	4,36 *	12,78
в отраслях группы «Б»	0,52	0,45	0,51	0,44 *	0,97

Примечание. Рассчитано по данным: [13, с. 115; 14, с. 20; 15, с. 150]. * – 1930 г.

Таблица 4

Структура использованного национального дохода СССР в 1928–1932 гг., млн руб. (в ценах соответствующих лет)

Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Фонд потребления, всего	21 305,7	23 547,1	28 144,1	31 034,9	38 748,8
В том числе:					
в продуктах промышленности	14 951,6	15 707,8	16 692,0	18 764,3	21 633,5
в продуктах сельского хозяйства	6 354,1	7 839,3	11 452,1	12 270,6	17 115,3
Фонд накопления, всего	3 697,4	4 774,0	8 985,4	15 806,5	23 151,5
В том числе:					
в продуктах промышленности	2 503,9	4 601,2	9 381,0	15 122,3	22 331,3
в продуктах сельского хозяйства	1 193,5	172,8	- 395,6	684,2	820,2
Национальный доход, всего	25 003,1	28 321,1	37 129,5	46 841,4	61 900,3
Удельный вес фонда накопления в национальном доходе, %	14,8	16,9	24,2	33,7	37,4

Примечание. Рассчитано по данным: [1, с. 90–91, 108; 6, с. 32, 99; 11, с. 400].

укладного хозяйства со свободным частным предпринимательством. Очередное пороговое изменение распределения валового национального продукта вызвало кризисное замедление экономического роста из-за возникших диспропорций.

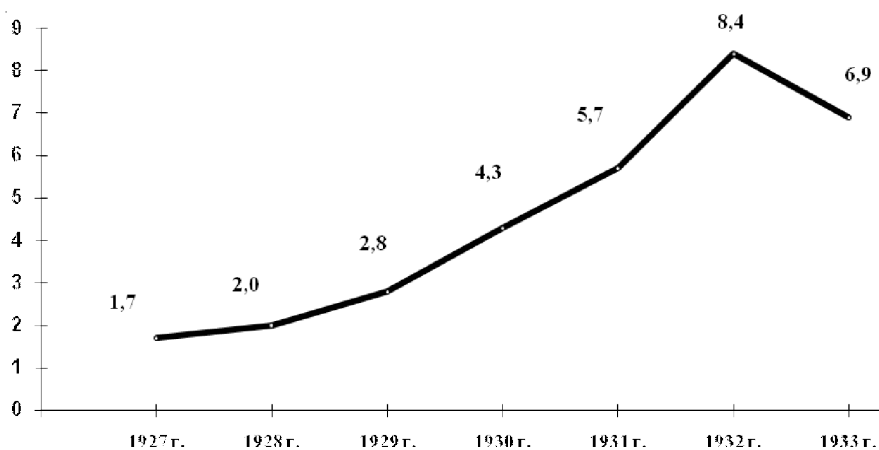
Динамика и выбор источников финансирования капиталовложений определяли размеры и структуру рыночных параметров: спроса и предложения. Нарастивание инвестиций обуславливало восходящий тренд хозяйственной конъюнктуры с избыточным спросом на товары, ростом себестоимости производства и цен продукции. Свой вклад в формирование макроэкономической конъюнктуры внесла напряженная эмиссия денег, представленная на рисунке.

Резкое увеличение хозяйственных расходов бюджета и избыточное банковское кредитование разбалансировали спрос и предложение на всесоюзном товарном рынке. Чрезмерная

кредитно-денежная эмиссия порождала инфляцию, проявлявшуюся в росте гибких товарных цен и скрытую в виде дефицита продуктов и услуг с фиксированными ценами. Изменения конъюнктуры розничного рынка отображают индексы цен, приведенные в таблице 5.

Расхождение свободных цен частного рынка и плановых цен социализированной торговли было признаком товарного голода, обострявшегося инфляционной закачкой денег в обращение и сокращением производства потребительских благ на душу населения СССР, о чем говорят показатели таблицы 6.

Первая пятилетка завершилась народным обнищанием, характерным для военного времени. В 1931–1932 гг. сократился физический объем совокупного фонда потребления страны, рассчитанный в сопоставимых ценах. Среднедушевое потребление населения Советского Союза в 1932 г. было на 4 % меньше, чем в 1928 г., и на 8 % меньше, чем в 1930 году.

Масса денег в обращении в СССР в 1927–1933 гг., млрд руб. (на конец года)

Примечание. Составлено по данным: [11, с. 404].

Таблица 5

Среднегодовые индексы розничных цен в СССР в 1927/28–1932 гг. (1913 г. = 100)

Годы	Частная торговля			Обобщественная торговля			Общеторговый индекс		
	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров	общий	сельскохозяйственных товаров	промышленных товаров
1927/28	244	247	242	184	177	188	197	194	198
1928/29	308	367	269	192	192	191	210	222	203
1930	564	826	433	200	196	203	260	291	219
1931	998	1 512	758	252	229	278	354	384	307
1932 *	1 877	3 175	1 288	325	–	–	496	–	–

Примечание. Составлено по данным: [11, с. 401]. * – за первое полугодие.

Таблица 6

Показатели потребления и численности населения СССР в 1928–1932 гг.

Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Фонд потребления в ценах 1928 г., млн руб.	21 305,7	22 575,2	23 177,2	22 705,2	22 375,8
В том числе:					
в продуктах промышленности	14 951,6	15 886,4	16 814,9	16 533,8	16 916,9
в продуктах сельского хозяйства	6 354,1	6 688,8	6 362,3	6 171,4	5 458,9
Численность населения, млн чел.	151,2	154,7	158,0	161,8	165,7
Фонд потребления в расчете на душу населения, руб.	140,91	145,93	146,69	140,33	135,04

Примечание. Рассчитано по данным: [1 с. 90–91; 6, с. 498; 8, с. 101].

Удовлетворение покупательского спроса ухудшилось. Уровень товарных запасов на оптовых складах и в розничной сети торговых точек сократился, и торговля потеряла стабильность. Возобновилось нормированное распределение товаров, к которому обычно прибегают в условиях войны или чрезвычайных ситуаций. В 1931 г. продажа товаров по карточкам, заборным книжкам и ордерам распространилась по всей территории СССР. Но система нормированного отпуска продуктов не гарантировала людям достаточного потребления. Контингент централизованно снабжаемых хлебом увеличился с 26 млн чел. в 1930 г. до 40,3 млн чел. в 1932 г., а государственные заготовки зерна в те же годы уменьшились с 22,1 млн т до 18,5 млн тонн [11, с. 138].

Диспропорции между спросом и предложением товаров достигли порогового уровня и побудили советское правительство реформировать торговую сферу. Оптовая торговля превратилась в систему планового централизованного распределения товаров, в скопление баз-распределителей. В распорядительной структуре розничного товарооборота воплотилась иерархия интересов социальных слоев населения. Первоочередным снабжением через сеть разных закрытых распределителей и потребительскую кооперацию пользовались представители политико-экономических и силовых структур государственного аппарата, а также служащие и рабочие приоритетных, с точки зрения власти, отраслей: угольной, нефтяной, торфяной, металлургической, машиностроительной, лесозаготовительной, водного и железнодорожного транспорта [11, с. 146].

Реформы 1930–1932 гг. не ликвидировали, а преобразовали рыночную организацию отечественной экономики. Директивно-плановое народное хозяйство СССР стало ориги-

нальной разновидностью трансформированной рыночной экономики с достаточно устойчивыми ценовыми параметрами-регуляторами. В Советском Союзе директивное планирование сделало негибкими обычно подвижные стоимостные макроэкономические параметры: товарные цены и тарифы, ставки заработной платы, банковский процент, норму прибыли. Соответственно возросла балансирующая роль гибких экономических параметров спроса и особенно предложения: инвестиций, наличной и безналичной денежной массы в обращении, численности занятых работников, размеров производства (продаж) продукции, которые регулировали равновесие на рынках капитала, денег, труда и товаров.

Экономика СССР была кредитно-денежной и товарно-рыночной. Покупательная сила денег поддерживалась плановыми фиксированными параметрами: товарными ценами, ставками заработной платы, процентами по ссудам, нормативами рентабельности. Рубль был условной счетной единицей и выполнял функции денег. Устойчивость макроэкономических показателей товарно-денежного обращения поощряла инвестиционную экспансию государственного предпринимательства, но увеличивала вероятность диспропорций спроса и предложения.

Советская директивно-плановая экономика развивалась в условиях твердых цен и хронического дефицита товаров. Недостаток факторов производства и продуктов возникал в результате избыточного государственного инвестирования, инфляционной кредитно-денежной эмиссии, несбалансированной загрузки производственных мощностей предприятий. Нараставшие рыночные диспропорции устранялись периодическими повышениями цен и тарифов.

Становление мобилизационной модели народно-хозяйственного регулирования обусловило чрезвычайную трансформационную макроэкономическую динамику СССР в годы первой пятилетки, которая во многом повторилась в период Великой Отечественной войны. Хозяйственная практика 1929–1933 гг. была в известном смысле «репетицией» мобилизации советской экономики в военные 1941–1945 гг., однако между рассматриваемыми периодами была и существенная разница. Инвестиционно-мобилизационная модель народного хозяйства и соответствующий ей инвестиционно-мобилизационный режим функционирования государственного предпринимательства сменились военно-мобилизационной моделью экономики и военно-мобилизационным функционированием директивно-планового государственного управления.

Исследование Н.А. Вознесенского, которое было своеобразным подведением итогов десятилетней работы ее автора на посту председателя Госплана СССР, убеждает в том, что господствующее ныне в научно-образовательной среде теоретико-методологическое представление о советской директивно-плановой экономике как о нерыночной командно-административной хозяйственной системе свидетельствует о невежестве его адептов. Сами за себя говорят названия и порядок расположения глав книги, описывающей функционирование отечественного народного хозяйства в режиме чрезвычайной военной мобилизации: «Баланс народного хозяйства», «Организация труда и заработная плата», «Товарооборот и цены», «Бюджет, кредит и деньги», «Планирование производства» [2, с. 61, 108, 121, 131, 141].

Ученый-практик аргументированно доказывает в рамках «политической экономии социализма», что директивно-плановое регулирование хозяйственной деятельности, разработка и выполнение плановых балансов и заданий возможны лишь при использовании в единстве натуральных и ценовых (стоимостных) параметров (показателей), счета прибылей и убытков для увеличения прибыли и накоплений, материального стимулирования повышения производительности труда работников [2, с. 174–175].

Н.А. Вознесенский считает, что в условиях военного времени экономика не переста-

ет быть рыночной: «Государственный план в советской экономике использует закон стоимости для осуществления необходимых пропорций в производстве и распределении общественного труда и продукта, подчиненных задачам укрепления и развития социалистического строя. <...> Военная экономика СССР коренным образом изменила пропорции мирного периода: в распределении труда и материальных фондов преобладающую долю заняло военное производство и кооперированные с ним отрасли военного хозяйства. С изменением хозяйственно-политических задач меняются и пропорции в распределении труда и материальных фондов, но для решения данной задачи установленные пропорции необходимо соблюдать со всей настойчивостью» [2, с. 148].

При обсуждении проблем планирования производства говорится о соблюдении хозяйственного расчета – формы осуществления государственного предпринимательства на уровне предприятий, о соизмерении прибылей и убытков, уменьшении издержек производства, о развитии премирования и личных стимулов повышения выпуска продукции [2, с. 153].

Экстраординарные изменения объема ресурсов, вовлекаемых в оборот государственного сектора экономики, чаще всего имеют место в условиях военной экономики. Поэтому вполне обоснованными выглядят постоянно повторяющиеся по тексту книги Н.А. Вознесенского сравнения народного хозяйства нашей страны в годы Первой мировой войны и Великой Отечественной войны с явным преимуществом второго периода.

Мобилизация экономики СССР в годы Великой Отечественной войны сопровождалась преобразованиями механизма ее регулирования, централизацией хозяйственного руководства и созданием дополнительных органов управления народным хозяйством, появлением новых форм программно-целевого и военно-экономического планирования, концентрацией основных материальных и финансовых ресурсов в руках государства, мобилизацией рабочей силы и изменением условий оплаты ее труда, усилением роли натуральных показателей и пропорций по сравнению с ценовыми и денежными параметрами функционирования экономики, ростом планово-распределительных отношений за счет сокращения сферы свобод-

но-рыночных отношений. Но происшедшие перемены не привели к вырождению товарно-денежных связей и необратимой натурализации высокоразвитой советской экономики, к пороговой катастрофической деградации отечественного хозяйства, которая имела место в 1917–1920 годах. Общая динамика основных макроэкономических показателей СССР в 1941–1945 гг. представлена в таблице 7.

Ученый-практик обстоятельно рассматривает изменения режимов функционирования рыночных регуляторов товарно-денежных отношений в сферах финансов и кредитно-денежного обращения, организации и оплаты труда работников, розничной торговли.

Финансовая система и денежное обращение советского государства, как видно из таблицы 8, выдержали тяжелые испытания войны 1941–1945 годов.

Изъятие значительной части доходов населения в государственный бюджет и рост военного хозяйства СССР обеспечили стабильность советской финансовой системы и денежного обращения. Положение с бюджетом, кредитом и денежным обращением в СССР в период Великой Отечественной войны было несравнимо с полным крахом финансов и денежного обращения в дореволюционной России в период Первой мировой войны и в советской России в период Гражданской войны. Дефицит государственного бюджета имел место лишь в 1942 и 1943 гг. и не превысил 11 %. Особенностью военной экономики СССР было сохранение относительно устойчивого денежного обращения, несмотря на значительную эмиссию денег, вызванную потребностями финансирования войны. За первые три года войны денежная масса в обращении выросла в 2,4 раза, что

Таблица 7

Динамика основных макроэкономических показателей СССР в 1941–1945 гг., % к 1940 г.

Показатели	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Национальный доход	92	66	74	88	83
Доходы государственного бюджета	98	92	113	149	168
Расходы государственного бюджета	–	104	120	151	170
Валовая продукция промышленности	98	77	90	104	92
В том числе продукция наркоматов авиационной, танковой промышленности, промышленности вооружений и боеприпасов	140	186	224	251	–
Валовая продукция сельского хозяйства	62	38	37	54	60
Грузооборот всех видов транспорта	92	53	61	71	77
Капитальные вложения	86	53	53	72	89
Численность рабочих и служащих	88	59	62	76	87
Объем розничного товарооборота	84	34	32	37	45

Примечание. Рассчитано по данным: [7, с. 189, 492].

Таблица 8

Доходы и расходы государственного бюджета СССР в 1940–1945 гг., млрд руб.

Показатели	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Доходы государственного бюджета	180,2	165	204,4	268,7	302,0
В том числе:					
налог с оборота	105,9	–	71,0	94,9	123,1
отчисления от прибыли	21,7	–	20,1	21,4	16,9
средства социального страхования	8,6	–	6,7	9,0	10,4
налоговые платежи населения	9,4	–	28,6	37,0	39,8
государственные займы и лотереи	11,5	–	28,9	37,6	29,4
Расходы государственного бюджета	174,4	182,8	210,0	264,0	298,6
В том числе:					
наркоматы Обороны и Военно-морского флота	56,8	–	125,0	137,8	128,2
народное хозяйство	58,3	–	33,1	53,7	74,4
социально-культурные мероприятия	40,9	–	37,7	51,3	62,7
профицит (+) /дефицит (-)	5,8	-17,8	-5,6	4,7	3,4

Примечание. Рассчитано по данным: [7, с. 492].

было меньше, чем 14-кратное увеличение количества денег в обращении за три года Первой мировой войны [2, с. 138–139] и трехкратное увеличение количества денег, обращающихся в годы первой пятилетки.

Массовое вовлечение в производство новых кадров, быстрое освоение и увеличение производства военной продукции были обеспечены посредством улучшения организации труда, введения сдельно-прогрессивной и повременно-премиальной оплаты труда рабочих и премиальной системы оплаты труда инженерно-технических кадров за выполнение и перевыполнение производственных планов, материального поощрения рабочих за выполнение и перевыполнение производственных заданий при сохранении наиболее высокого уровня заработной платы в тяжелой и военной промышленности. Уровень реальной заработной платы рабочего класса СССР в период военной экономики обеспечивался стабильными и низкими пайковыми ценами на продовольствие и другие предметы потребления, а также тарифами на коммунальные и транспортные услуги [2, с. 116, 119]. Реальная заработная плата, потребление работников и их семей зависели не только от уровня цен и тарифов, но и от пайковой (карточной) формы доступа к товарам и услугам, а также от возможностей прямого натурального потребления.

В период Великой Отечественной войны существенно изменились формы товарооборота и организация снабжения населения. Во-первых, была введена нормированная продажа продовольствия и предметов широкого потребления (карточная система). Во-вторых, были дифференцированы нормы и условия продажи продовольствия трудящимся различных отраслей военного хозяйства. В-третьих, были организованы отделы рабочего снабжения на предприятиях. Численность населения, находившегося на государственном снабжении хлебом и другими видами продовольствия, выросла за период военной экономики до 76,8 млн человек. Нормирование продовольственного снабжения подчинило потребление интересам производства и обеспечило более высокий уровень потребления рабочих в решающих для войны отраслях промышленности: военной, топливной, металлургической, энергетической, и на железнодорожном транс-

порте [2, с. 123]. Освоенный на исходе первой пятилетки механизм пайкового распределения продуктов и оплаты труда позволил обеспечивать жизнедеятельность вдвое большего количества граждан.

Наличие двух государственных розничных цен (пайковых и коммерческих) позволило сохранить свободный рынок, где цены складывались на основе спроса и предложения. О масштабах ценовых диспропорций можно судить по тому, что в городах индекс цен на колхозных рынках в 1943 г. по сравнению с уровнем довоенного 1940 г. увеличился на продукты растениеводства в 12,6 раза и на продукты животноводства в 13,2 раза [2, с. 129]. Сложившиеся ценовые диспропорции были очень близки к соотношениям цен в 1932 году.

Советскому руководству удалось обеспечить необходимые ресурсы для финансирования военных расходов за счет изменения структуры национального дохода: доля накопления уменьшилась с 19 % в 1940 г. до 4 % в 1942 г.; доля потребления уменьшилась с 74 % в 1940 г. до 67 % в 1942 г.; доля военных расходов, не считая личного потребления военнослужащих, увеличилась с 7 % в 1940 г. до 29 % в 1942 году [2, с. 65]. Увеличение нормы сбережения в национальном доходе с 26 % до 33 % не превысило кризисных пороговых изменений этих параметров в конце первой пятилетки. Основные макроэкономические параметры Советского Союза в военные годы удалось сбалансировать почти так же, как в 1929–1932 годах.

Потенциал мобилизационной модели советской директивно-плановой экономики наглядно демонстрирует анализ на основе методологии хронотопа. В экономической науке уже есть разработки теории размещения производительных сил, территориально-отраслевых комплексов (кластеров). Но они, как правило, объясняют динамику социально-экономических процессов в относительно стабильных границах территориальных образований. В годы же Великой Отечественной войны наблюдались одновременные и разновременные изменения размещения производительных сил и границ подконтрольной советскому государству территории. Н.А. Вознесенский дает научно-практическое объяснение «маятникового» движения (миграции): эвакуации людей и

хозяйственных ресурсов в восточные районы СССР, а затем их частичной обратной эвакуации в центральные и западные регионы нашей страны.

Историко-экономическая интерпретация событий Великой Отечественной войны возможна с использованием теоретической модели, описывающей взаимосвязь между государственной организацией накопления капитала, индустриализацией, милитаризацией, экономической и территориальной экспансией государственной власти. Кроме кумулятивной, взаимно усиливающейся, циклической динамики существует и обратная тенденция – порочный круг: ослабление государственной власти и экономической мощи – деиндустриализация народного хозяйства – демилитаризация – утрата контролируемой территории (экономического пространства). Динамика порочного круга имела место в экономике СССР в 1941–1942 гг., когда происходил захват Германией значительных территорий европейской части страны, а огромная масса производительных сил перемещалась на восток. Завершение развертывания индустрии, прежде всего массового военного производства, в восточных районах Советского Союза повернуло вспять «колесо истории». Снабжение нашей армии современным оружием обеспечило коренной перелом военной кампании.

Периодизация войсковых операций почти полностью совпадает с периодизацией пространственно-временной макроэкономической динамики. Первый период (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.): приграничные сражения, оборона Брестской крепости, Смоленская оборонительная операция, оборона Киева, Одессы, Севастополя, Тульская оборонительная операция, оборона Ленинграда, оборонительные операции под Москвой, разгром немцев под Москвой, оборона Сталинграда, оборона Северного Кавказа. Второй период (ноябрь 1942 г. – 1943 г.): начало коренного перелома в ходе войны, разгром немецких войск под Сталинградом, освобождение Северного Кавказа, прорыв блокады Ленинграда, Курская битва, освобождение Левобережной Украины, наступление на Таманском полуострове, Новороссийская десантная операция и др. Третий период (1944 г. – май 1945 г.): наступление советских войск под Ленинградом и Новгоро-

дом, освобождение Правобережной Украины и Крыма, освобождение Белоруссии, Молдавии, прибалтийских республик и Заполярья, освобождение стран Европы, завершение разгрома немецко-фашистской армии.

Соответственно перечисленным выше этапам Н.А. Вознесенский выделил три периода в развитии советской экономики в годы войны, содержание которых передают названия глав книги: «Перестройка народного хозяйства», «Расширенное воспроизводство», «Восстановление хозяйства в ходе войны» [2, с. 33, 45, 55].

Вторая половина 1941 г. характеризовалась «великим перемещением производительных сил СССР на восток». Передвигались миллионы людей, перемещались сотни предприятий, десятки тысяч станков, прокатные станы, прессы, молоты, турбины и моторы. Последние два месяца 1941 г. были самыми тяжелыми и критическими в истории военной экономики СССР. В этот период эвакуированные на восток предприятия уже перестали давать продукцию в старых районах, но еще не были восстановлены в новых тыловых районах. К тому времени относятся исключительно большие потери, которые понесло народное хозяйство СССР в результате временной оккупации Германией ряда советских районов. В декабре 1941 г. падение промышленного производства прекратилось, а с марта 1942 г. вновь быстро пошло вверх. Выпуск военной продукции в марте 1942 г. только в восточных районах страны достиг уровня производства начала войны на всей территории СССР [2, с. 41, 42, 43]. В 1943 г. советское государство уже имело слаженное и быстро растущее военное хозяйство. В 1943–1944 гг. началось восстановление экономики в освобожденных от оккупации районах нашей страны.

Формирование мобилизационной модели регулирования российского народного хозяйства прошло несколько этапов. Предпосылки создания директивно-плановой системы регулирования и мобилизации российской экономики возникли в годы Первой мировой войны, а ее становление происходило в режиме военного коммунизма. Неизбежное нарастание государственного вмешательства в экономику завершилось всеобщим огосударствлением и

превращением ее из рыночного в натуральное хозяйство.

Переход к нэпу сократил публично-правовые изъятия ресурсов и расчистил поле для частного ведения дел и почти полного восстановления рыночного хозяйства и его регуляторов. Однако система директивно-планового государственного предпринимательства сохранила свое природно-родовое свойство – мобилизационный характер.

Директивно-плановая инвестиционно-мобилизационная модель народного хозяйства СССР, сформированная в ходе реформ начала 1930-х гг., была преобразована в военно-мобилизационную модель в 1941–1942 гг., выдержала испытание на прочность и обеспечила экономическую основу победы в Великой Отечественной войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсов, А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней / А. А. Барсов. – М. : Наука, 1969. – 197 с.
2. Вознесенский, Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. – М. : ОГИЗ, 1948. – 192 с.
3. Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. – 1929. – № 12.
4. Дьяченко, В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.) / В. П. Дьяченко. – М. : Наука, 1978. – 496 с.
5. Железнов, В. Я. Накопление в народном хозяйстве СССР / В. Я. Железнов // Вестник финансов. – 1927. – № 9. – С. 31–56.
6. История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 3. – М. : Наука, 1977. – 536 с.
7. История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 5. – М. : Наука, 1978. – 566 с.
8. Кац, Вл. Народный доход СССР на новом этапе / Вл. Кац // Плановое хозяйство. – 1931. – № 1. – С. 67–87; № 4. – С. 88–108.
9. Крицман, Л. Н. Героический период Великой Русской Революции / Л. Н. Крицман // Вестник коммунистической академии. – 1924. – Кн. IX. – С. 3–147.
10. Кузовков, Д. В. Процесс натурализации народного хозяйства (1916–1920 гг.) / Д. В. Кузовков // Финансовое оздоровление экономики. – М. : Моск. рабочий, 1990. – С. 12–42.
11. Малафеев, А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.) / А. Н. Малафеев. – М. : Мысль, 1964. – 439 с.
12. Плотников, К. Н. Очерки истории бюджета советского государства / К. Н. Плотников. – М. : Госфиниздат, 1955. – 556 с.

13. Путилов, А. К вопросу о накоплении в промышленности / А. Путилов // Плановое хозяйство. – 1932. – № 5. – С. 101–119.

14. Рагольский, М. Вступление в период социализма и основные вопросы расширенного воспроизводства в СССР / М. Рагольский // Плановое хозяйство. – 1931. – № 2–3. – С. 18–49.

15. Рагольский, М. Итоги накопления первой пятилетки / М. Рагольский // Плановое хозяйство. – 1932. – № 3. – С. 135–155.

16. Рейнгольд, И. И. Финансовая политика нэпа (от разверстки и монополии к обложению) // Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа. – М. : Моск. рабочий, 1990. – С. 43–64.

17. Рыков, А. И. Избранные произведения / А. И. Рыков. – М. : Экономика, 1990. – 496 с.

18. Черемисинов, Г. А. Государственное предпринимательство в отечественной экономике: предыстория хозяйственного расчета / Г. А. Черемисинов. – Саратов : Изд-во СарИПКРО, 1995. – 122 с.

19. Черемисинов, Г. А. Государственное предпринимательство в отечественной экономике: «узоры» новой экономической политики (20-е годы – начало 30-х годов XX века) / Г. А. Черемисинов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – 323 с.

20. Черемисинов, Г. А. Макротренды и пороговые изменения современной российской экономики / Г. А. Черемисинов, И. О. Пугачев // Известия Саратовского университета. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2012. – Т. 12, вып. 1. – С. 3–12.

21. Черемисинов, Г. А. Макроэкономическая динамика России в годы Первой мировой войны / Г. А. Черемисинов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 5 (29). – С. 6–21.

22. Черемисинов, Г. А. Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований. В 2 ч. Ч. 1 / Г. А. Черемисинов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. – 348 с.

23. Черемисинов, Г. А. Пороговые изменения отечественной экономики первой трети XX века / Г. А. Черемисинов // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения : ежегодник. Вып. 4. – М. ; Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – С. 221–234.

24. Юровский, Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928) / Л. Н. Юровский. – М. : Фин. изд-во, 1928. – 401 с.

REFERENCES

1. Barsov A.A. *Balans stoimostnykh obmenov mezhdu gorodom i derevney* [Balance of Cost Exchanges Between the City and the Village]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 197 p.

2. Voznesenskiy N.A. *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny* [Military Economy of the USSR During the Patriotic War]. Moscow, OGIZ Publ., 1948. 192 p.
3. Dinamika narodnogo khozyaystva SSSR. Byulleten № 39 [The Dynamics of the USSR National Economy. Bulletin no. 39]. *Planovoe khozyaystvo*, 1929, no. 12.
4. Dyachenko V.P. *Istoriya finansov SSSR (1917-1950 gg.)* [The History of Finance of the USSR (1917-1950)]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 496 p.
5. Zheleznov V.Ya. Nakoplenie v narodnom khozyaystve SSSR [Accumulation in the USSR National Economy]. *Vestnik finansov*, 1927, no. 9, pp. 31-56.
6. *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR. V 7 t. T. 3* [The History of the Socialist Economy of the USSR. In 7 vols. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 536 p.
7. *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR. V 7 t. T. 5* [The History of the Socialist Economy of the USSR. In 7 vols. Vol. 5]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 566 p.
8. Kats VI. Narodnyy dokhod SSSR na novom etape [The National Income of the USSR at a New Stage]. *Planovoe khozyaystvo*, 1931, no. 1, pp. 67-87; no. 4, pp. 88-108.
9. Kritsman L.N. Geroicheskiy period Velikoy Russkoy Revolyutsii [The Heroic Period of the Great Russian Revolution]. *Vestnik kommunisticheskoy akademii*, 1924, book 9, pp. 3-147.
10. Kuzovkov D.V. Protsess naturalizatsii narodnogo khozyaystva (1916-1920 gg.) [The Process of National Economy Naturalization (1916-1920)]. *Finansovoe ozdorovlenie ekonomiki* [The Financial Recovery of Economy]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1990, pp. 12-42.
11. Malafeev A.N. *Istoriya tsenoobrazovaniya v SSSR (1917-1963 gg.)* [Pricing History in the USSR (1917-1963)]. Moscow, Mysl Publ., 1964. 439 p.
12. Plotnikov K.N. *Ocherki istorii byudzheta sovetskogo gosudarstva* [The Essays of the History of the Soviet State Budget]. Moscow, Gosfinizdat Publ., 1955. 556 p.
13. Putilov A. K voprosu o nakoplenii v promyshlennosti [To the Question of Accumulation in the Industry]. *Planovoe khozyaystvo*, 1932, no. 5, pp. 101-119.
14. Ragolskiy M. Vstuplenie v period sotsializma i osnovnye voprosy rasshirenogo vosproizvodstva v SSSR [The Entry Into the Period of Socialism and the Main Questions of Expanded Reproduction in the USSR]. *Planovoe khozyaystvo*, 1931, no. 2-3, pp. 18-49.
15. Ragolskiy M. Itogi nakopleniya pervoy pyatiletki [The Results of Accumulation of the First Five-Year Period]. *Planovoe khozyaystvo*, 1932, no. 3, pp. 135-155.
16. Reyngold I.I. Finansovaya politika nepa (ot razverstki i monopolii k oblozheniyu) [Financial Policy of the NEP (From an Allotment and Monopoly to Taxation)]. *Finansovoe ozdorovlenie ekonomiki: opyt nepa* [The Financial Recovery of Economy: NEP Experience]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1990, pp. 43-64.
17. Rykov A.I. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Publications]. Moscow, Ekonomika Publ., 1990. 496 p.
18. Cheremisinov G.A. *Gosudarstvennoe predprinimatelstvo v otechestvennoy ekonomike: predystoriya khozyaystvennogo rascheta* [The Government Entrepreneurship in the Domestic Economy: Background of Cost Accounting]. Saratov, Izd-vo SarIPKRO, 1995. 122 p.
19. Cheremisinov G.A. *Gosudarstvennoe predprinimatelstvo v otechestvennoy ekonomike: "uzory" novoy ekonomicheskoy politiki (20-e gody - nachalo 30-kh godov XX veka)* [The Government Entrepreneurship in Domestic Economy: "Patterns" of New Economic Policy (1920s - Beginning of 1930s of the 20th Century)]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2002. 323 p.
20. Cheremisinov G.A., Pugachev I.O. Makrotrendy i porogovye izmeneniya sovremennoy rossiyskoy ekonomiki [Macrotrends and Threshold Changes of Modern Russian Economy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya "Ekonomika. Upravlenie. Pravo"*, 2012, vol. 12, iss. 1, pp. 3-12.
21. Cheremisinov G.A. Makroekonomicheskaya dinamika Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Macroeconomic Dynamics in Russia During the First World War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2014, no. 5 (29), pp. 6-21.
22. Cheremisinov G.A. *Paradigma direktivno-planovoy ekonomiki: rossiyskiy opyt khozyaystvennykh preobrazovaniy. V 2 ch. Ch. 1* [The Paradigm of a Directive and Planned Economy: Russian Experience of Economic Transformations. In 2 parts. Part 1]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2012. 348 p.
23. Cheremisinov G.A. Porogovye izmeneniya otechestvennoy ekonomiki pervoy treti XX veka [Threshold Changes of the Domestic Economy of the First Third of the 20th Century]. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: ezhegodnik. Vyp. 4* [Economic History of Russia: Problems, Searches, Solutions. Yearbook. Iss. 4]. Moscow, Volgograd, Izd-vo VolGU, 2002, pp. 221-234.
24. Yurovskiy L.N. *Denezhnaya politika sovetskoy vlasti (1917-1928)* [Monetary Policy of the Soviet Power (1917-1928)]. Moscow, Finansovoe izd-vo, 1928. 401 p.

**FORMATION OF MOBILIZATION MODEL
AND MACROECONOMIC DYNAMICS OF THE USSR
DURING THE FIRST FIVE-YEAR PERIOD
AND THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Georgiy Aleksandrovich Cheremisinov

Doctor of Sciences (Economics), Professor,
Department of Economic Theory and National Economics,
Saratov State University
Cheremisinov@inbox.ru
Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. The research of origin and functioning of mobilization model of economy is possible on the basis of the hypothesis about the government entrepreneurship as a typological sign of Russian economy development, the concept of threshold changes of macroeconomic dynamics, methodology of a chronotope and the theory of interrelation of the government organization of accumulation of the capital, industrialization, militarization, economic and territorial expansion of state power.

Socio-economic reforming in our country was connected with threshold levels of impact of the government on economy that is confirmed by the analysis of macroeconomic conditions of emergence of the centralized planned management of a national economy. System transformations of the Russian economy to the revolutionary-military period (1914-1920) in the second half of the 1920s – early 1930s, in the period of the Great Patriotic War were carried out by the ruling power for the purpose of increase in quantity of the benefits, services, factors of production appropriated, distributed or used in its interests. The level of the centralized withdrawal of resources on irretrievable military expenses and on investments into industrialization of the power defined macroeconomic dynamics and extent of reorganization of a market mechanism of regulation of a domestic national economy.

The mobilization model of directive planned management of a national economy created as a result of reforms of the beginning of the 1930s provided an economic basis of the USSR victory in the Great Patriotic War.

Key words: methodology of historical and economic research, economy of the USSR during the first five-year period and the Great Patriotic War, macroeconomic dynamics, mobilization model of economy, government entrepreneurship.